

РУБЦЫ ПАМЯТИ

Отец Шетбея Казанджи-Оглы был арестован в 1939 году. Вначале был посажен за то, что отказался подписать бумагу, в которой был оклеветан хороший человек. Позднее заставили подписать соседа ложный донос на самого Шукрея Казанджи, якобы он говорил плохо о руководителях партии и правительства. Шукрей получил 9 лет лагерей и выслан в Казахстан.

Шетбей, который по документам был Рашид, в семье был по возрасту старше из троих детей, оставшихся с матерью. У них, турок, было принято: родившимся мальчикам давали имя деда отца и матери, поэтому у всех мальчишек было по два имени.

«Неспешно время мелется»

Шетбей помогал матери ухаживать за младшими братьями Кязимом и Хусейном. В школе проучился 4 года и пошёл работать в колхоз.

Отец писал, что летом 1949 года его освободят, и он приедет домой, но не успел. Все люди турецкой национальности по указу правительства были выселены с Кавказа. В семье Казанджи высылке подлежали только мальчишки – мама была абхазкой. Мать сказала, что не бросит своих детей и поедет с ними, хотя её не пускали к эшелону. Мало взяли с собой вещей и продуктов, видимо, потому, что мать была занята тем, как не отстать от детей.

В памяти Шетбея крепко засел эпизод, когда у одной женщины забрали полутора годовалого ребёнка. У него турецкая фамилия, а мать абхазка. Ребёнка просто вырвали из рук матери и отдали конвоирам. Разве можно забыть, как кричала она, билась головой об вагон, рвала на голове волосы до тех пор, пока один из офицеров пожалел её и записал турчанкой. Также не выходит из памяти, как привезли парализованную 90-летнюю старушку на носилках, чтобы отправить в Сибирь.

В Томске пересадили на пароход и довели до Каргаска. В Каргаске на берегу сказали, что все будут отправлены завтра по реке Васюган, и в каждом посёлке будут высаживать по несколько семей, где для них будет подготовлено жильё. Начался дождь, и всем предложили перейти в строящееся складское помещение на берегу. Но там на них набросились комары. А впереди их ожидали оводы – вот это пережить было ещё труднее. Как писал позднее парень из семьи Хаджи-Оглы, что их в Айполово встретила стая маленьких жёлтых птичек, которые нападают на людей и преобильно кусают. В Айполово высадили десятка два семей и разместили временно в клубе. Председатель колхоза Коломысов – мужчина двухметрового роста и неожиданно с высоким голосом. Он познакомился с главами семей, с их составом и рассказал, кто, где будет жить. Семье Казанджи достался домик на берегу Васюгана, который покинули хозяева в связи с тем, что следующей весной берег реки может обвалиться в случае большого паводка.

Туркам дали отдохнуть три дня и всех на работу. Шетбея послали на ферму. Он до сих пор с благодарностью вспоминает свинарку на ферме. Это эстонская женщина по фамилии Луговяли, по глазам поняла, что парень пришёл на работу голодным. Она варила для свиней картофель, и предложила ему поесть её. И пока работал на ферме Шетбей, она частенько его подкармливала то картошкой, то овощами. Как в любом колхозе в то время, работа была разнообразной. Чаще всего он работал на лошади: увозил навоз на поля, вскрывал силосную яму, и на ферму дояркам привозил силос. Но разве можно забыть, как зимой в первый раз поехал за силосом. Обуть нечего. Мать дала ему галоши-чуни. Он навернул на ноги тряпье, думал, так будет тепло, но на улице мороз под 30 градусов. Человек южный – даже предположить не мог, что такая обувь зимой не годится. Конечно, сильное обморожение. На ногах вздулись пузыри, стоять на ногах не мог. Пришёл председатель Коломысов, принёс валенки: «Хороший ты работник, Шетбей, но почему такой дурной, кто же в такой мороз в лес ездит в одних чунях. Вот тебе валенки, но одевать их будешь, когда в поле или в лес поедешь»...

На следующий год уже было немного лучше жить и не так голодно. Посадили огород, втроём кое-что зарабатывали в колхозе. Тогда в колхозе выдавали на пятидневку муку на заработанный трудодень граммов по 200. Правда, эта мука часто была овсяной, но всё равно лепёшки были уже хлебные. Позднее Кязима направили от колхоза на лесоучасток Кильват, что в 10 километрах от Айполово. В семье появились деньги, и хотя небольшие, но в семье появились соль, сахар, керосин, спички, а иногда и обновки – ситцевые рубашки у парней, брюки, обувь. Шетбей тоже выпросился у бригадира на работу на лесоучасток, и ездил туда пять сезонов подряд. Начальник участка даже выпрашивал у председателя, чтобы отпустили его из колхоза. Шетбей долго хранил переходящее Красное знамя, которое ему прикрепляли к упряжи, как передовику производства в лесоучастке.

Кязим тоже был на хорошем счету и в колхозе, и в леспромхозе и каждый год его отправляли на лесозаготовки. Там он познакомился, подружился с девушкой из Игола, и в 1953 году они решили пожениться, опередив старшего брата. Хотя и он был готов жениться на Анне Гудукиной, но Аня не торопилась замуж, да и подруги отговаривали по разным причинам.

Братья Казанджи теперь могли себе позволить купить и другие вещи, без которых можно было обойтись. Они купили гармошку, и все стали играть на ней. Лучше всех играл Шетбей, а потому его стали приглашать и в клуб, и на гулянки соседей и друзей. И Анна стала благосклонней относиться к гармонисту. В конце концов, она дала согласие на брак. В домике над рекой стало тесновато, и молодожёны перешли в небольшую избушку, стоящую у леса.

«А ЖИЗНЬ НЕ ПОВОРАЧИВАЕТ ВСПЯТЬ»

В 1956 году всех ссыльных открепили от комендатуры. Все свободны, все едут куда хотят. Из Айполово, как и из других деревень Васюганья, массовый исход прибалтов, немцев, народов Кавказа. Засобирались и Казанджи. Мама сказала, что и дня не хочет оставаться здесь, но на всех денег не хватает. На семейном совете решили, что поедут Кязим с женой и матерью, а также Хусейн. Деньги заняли в долг, Шетбей помаленьку рассчитывается со всеми, ему всё равно никуда не ехать, так как Анна сказала, что никуда из Айполово не поедет.

В колхозе осталось мало рабочей силы, и в районе решили объединить это хозяйство с коопзверопромхозом села Новый Васюган. Начали строить лисятник, а заодно и подбирать на него работников. Зная Анну, как дисциплинированного, обязательного, честного работника, управляющий отделением нового хозяйства начал уговаривать её перейти работать на лисятник поваром, обещая зарплату удвоить против той, что она получала в школе, работая техничкой. Шетбею тоже предложили перейти работать на киноустановку мотористом, обслуживать зрителей кино посёлков Айполово, Тимельга, Волково, а зимой Озёрное, куда летом дороги не было.

Шетбей быстро освоил узкоплёночную киноаппаратуру, электростанцию и лодочный мотор. Когда киномеханика Анжина И.С. перевели работать в село Новый Васюган, Шетбей был назначен киномехаником этой кинопередвижки. Появилось много свободного времени, и он всё больше стал уделять времени рыбалке и охоте. По договору с промхозом ему отвели охотничий участок рядом с Калью Калисмаа – управляющим отделением промхоза. Он тоже женат на русской женщине, и никуда из Айполово уезжать не собирался. Оба страстные охотники, они всей душой полюбили эти Васюганские просторы, эти болота, кедровые и сосновые бора.

Всякое случалось в тайге. Однажды на охоте у Шетбея случился сердечный приступ. Повезло, что к нему в гости решил вернуться Калисмаа. Подойдя к избушке, Калью увидел, что собаки Шетбея привязаны и видно, что не кормлены. Бегом в избушку. Там на нарах лежал без сознания Шетбей. В избушке холодно, не топлено. Калью Константинович привёл в чувство хозяина, накормил собак, протопил печку и в ночь на лыжах побежал в Айполово, чтобы вызвать вертолёт по телефону.

Материально семья Казанджи была обеспечена хорошо. В семье две дочери и сын. Анна оказалась очень домовитой хозяйкой, и дом, что называется, стал полной чашей. Шетбей несколько раз ездил в Абхазию, но гостить там долго не мог. Теперь его дом там, где семья, его собственная с детьми и любимой женой, где дремучая тайга, реки, озёра, чворы и болото...

В связи с тем, что на одной из киноустановок Н-Васюгана, оборудованной широкоэкранным аппаратурой, потребовался киномеханик, решили перевести на неё очень ответственного человека, так как село было большое, и зрители любили ходить в кино именно на эту киноустановку. Таким человеком, посчитали в киносети, был Казанджи Рашид. Он купил домик в селе, и под руководством опытного киномеханика Анжина И.С. стал осваивать новый комплект киноаппаратуры. Через год сдал квалификационные экзамены и продолжил работу уже самостоятельно. Качество кинопоказа, умелое рекламирование кинофильмов, доброжелательное общение со зрителями, и киноустановка стала одной из лучших в районе.

Дети получили образование, специальности и стали жить самостоятельно. Появились внуки, жить стало интересней. И вдруг перестройка, переворот...

Киноустановка стала влечить жалкое состояние. Денег у людей нет, а у кино появились мощные конкуренты: видео, позднее компьютеры, и как результат – посещаемость резко упала, а вскоре киносеть района была ликвидирована. Рашида Шукреевича ликвидация совсем не напугала. Он уже получал пенсию, у дома хороший огород, рядом под берегом лодка с мотором, сети и ружьё, река и озёра рядом, в лесу и на болоте даров природы навалом, только не ленись, жить прекрасна.

Но беда не за горами ходит – вдруг серьёзно заболела Анна Васильевна. Она старалась не ходить в больницу и лечилась сама народными средствами. Но на этот раз боль в горле не проходила, горло покрылось пузырьками, поднялась температура. Шетбей настоял, чтобы на этот раз она пошла в больницу. Там залечили, но через некоторое время рецидив, Анна не могла справиться с этой болячкой и умерла. Это случилось в 2005 году. Такого удара судьбы Шетбей даже не предполагал.

НА ГОДЫ УПРАВЫ НЕТ

Рашид Шукреевич живёт один. Сам готовит еду, стирает, убирает дома, хотя дочь приходит и моет полы, но такой уж характер у него – всё хочет делать сам, забывая про возраст. Любит дед, когда приходят внуки, а теперь и правнуки, которых уже шестеро.

Как бы не следил за состоянием дома, но со временем всё приходит в упадок. В 2012 году «завалился погреб. Шетбей пошёл в лесхоз выписать тонкомера, чтобы построить новый погреб. Хотел сразу рассчитаться, но по каким-то причинам не могли сразу выписать квитанцию. Ему сказали: «Можешь заготовливать там-то, а в понедельник рассчитаешься». Шетбей с сыном заготовили лес, а в воскресенье его вывезли домой. Как договорились, в понедельник пришёл в лесхоз рассчитаться за заготовленный лес. Оттуда его направили в администрацию, где сказали, что на дом у него нет документов, межевание не проведено и он не хозяин этой усадьбы, а поэтому он не имеет права проводить на ней какие либо работы. «Как же так, - возмутился Шетбей, - 20 лет прожил в этом доме, платил налоги, у вас же составляли купчую и теперь я не хозяин». Раз дому не хозяин, то и лес ему не положен. А тут ещё что-то с пенсией не стали делать перерасчёт за отработанные три года после оформления пенсии. В паспорте, когда обменивали на новый, вписали новое имя: Решит. Посмеялся и махнул рукой: «Сколько осталось прожить, и с таким именем доживу положенный мне срок».

Крепко обиделся Шетбей: «С 1949 года живу здесь, и вдруг оказывается я бомж». Начал писать во многие инстанции – бесполезно, всё замыкается на сельской администрации, а там и разговаривать не хотят с ним. Начал писать во все партийные организации: единороссам, коммунистам, эсерам, ЛДПР. Ответы шли по схеме: губернатору, главе

районной администрации, оттуда снова сельской. Только Жириновский поблагодарил за письмо и сообщил, что он сделает депутатский запрос. И в один прекрасный день всё закрутилось. Отовсюду пошли известия, что ему необходимо сделать...

Теперь Шетбей хозяин своей хибары и земельного участка. Обида прошла, но эти переживания не прошли ему даром – пришлось побороться с онкологическим заболеванием. Внучка, живущая в Омске, настояла на том, чтобы он приехал на лечение к ней. Там прооперировали и, вроде, всё обошлось благополучно.

1 июня 2015 г. Рашиду Шукреевичу исполняется 85 лет. Он надеется, что на юбилей к нему приедут все дети, внуки и правнуки. Как хочется, чтобы у этого доброго человека сбылись все его желания!

Каргасок. Леонид Ситников «Земляки»